



ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО
ЗАПРЕТНЫЕ ЗНАНИЯ
И ОДИН НЕВЕРНЫЙ ШАГ

КОРНИ ТЯНУТСЯ К ГРОБАМ



18+

УЛЬЯНА БРИК

Бестселлеры Оливи Блейк, Стеллы Так и Николы Хотель

Ульяна Брик

Корни тянутся к гробам

«Издательство АСТ»

2025

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Брик У.

Корни тянутся к гробам / У. Брик — «Издательство АСТ»,
2025 — (Бестселлеры Оливи Блейк, Стеллы Так и Николы Хотель)

ISBN 978-5-17-178795-0

Брат Аси бесследно исчез прямо из стен университета, в котором учился. Уже год о нём ничего не известно. Не в силах смириться с таким положением дел, Ася решает сама выяснить, что произошло. Она поступает в загадочный Ливецкий университет — место с богатой историей и гнетущей атмосферой. В его древних стенах она оказывается втянута в тёмные тайны закрытых студенческих обществ. Ася пытается понять, что случилось с братом и действительно ли можно доверять тем, кто называет себя его друзьями. Однако скоро девушка перестаёт различать, где заканчивается реальность и начинаются сны. Среди заброшенных гробниц под шёпот мрачных легенд ей предстоит не только выяснить судьбу брата, но и столкнуться с собственными демонами. Это опасное путешествие навсегда изменит её отношение к миру и себе самой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-178795-0

© Брик У., 2025
© Издательство АСТ, 2025

Содержание

	6
	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ульяна Брик

Корни тянутся к гробам

Copyright © Ульяна Брик, текст

В оформлении макета использованы материалы по лицензии © shutterstock.com

© ООО «Издательство АСТ», 2025

* * *



Вы принадлежали к тому типу невежд, который так боится жизни, что только и умеет презирать ее из страха, как бы случайно не полюбить что-нибудь такое, что не отвечает стандартам горстки людей, которыми он восхищается

«Мир чудес» Робертсон Дэвис

Перевод Г. Крылов





Глава 1. Сын раздора

В поле зрения Аси чёткие контуры зданий и предметов расплзались от небывалой усталости. Оставались только цвета. Серый – мглистый, небесно-сонный в слепых облаках и отблесках дальней грозы. Зелёный – мшистый, бархатный, шершавый и шепчущий в кронах и кустах. И красный – родной и реальный, как ссадина на руке и ромбы на рюкзаке. Красный почти всегда скорее внутри, чем снаружи, скорее суть, чем обстоятельство. Потому что кровь не водица.

Она поднималась по лестничным пролётам на третий этаж, с трудом волоча за собой чемодан. Остановившись перед нужной дверью, едва не толкнула её ногой. Но одёрнула себя – неловко бы вышло. Новые двери стоит открывать вежливо, со стуком. К тому же внутри её ожидает незнакомка, с которой Асе предстоит жить ближайшее время. Выдыхая и стряхивая усталость, чтобы появиться перед соседкой в подобающем виде, Ася мысленно оглядывалась на сегодняшний день. Он казался неправдоподобно долгим.

Её разбудили в половине седьмого, и первые несколько мгновений она не могла понять, что происходит, почему благословенный и безмятежный летний сон так грубо нарушен. Потерев глаза, Ася оглядела свою комнату и всё поняла. Зяблик смотрел настороженно и тоскливо, сидя на своей ветке. Обнажённый письменный стол сиротливо жался к стене, с которой сняли все постеры, открытки и календари. Раскрытый зев чемодана призывал затолкать в него как можно больше вещей. И лишь опустошенные шкафы облегчённо вздыхали. Настал момент прощания. Уже после, в череде суетливых сборов, она подумала о том, что покидать эту комнату ей если и жаль, то лишь слегка. Ведь не будь зяблик нарисованным, он бы тоже непременно упорхнул. Асе нравилось одушевлять окружающее пространство – без этого художественного вымысла день получался до обидного прозаичным.

– Возьмёшь? – Когда дверь в комнату толкнули, она, досадливо скрипнув, впустила вешалку с кроличьей дублёнкой, позади которой виднелась мама. – До Нового года ведь не вернёшься, а как морозы ударят в декабре? Почтой высылать придётся.

– Так ведь на юг еду. – Ася погладила белый мех. Хорошая вещь. Папа лично подстрелил каждого несчастного кролика для её пошива. – Тем более чемодан и так не закрывается.

– Ну-ка! – Мама вручила Асе вешалку, а сама прошествовала к ощерившемуся молнией противнику. – Делов-то, – хмыкнула она, без видимых усилий укомплектовав багаж. Она глядела с тем самым выражением, присущим только матерям, которые с помощью ловкости рук и без какого-либо мошенничества способны на всё, чего самостоятельно не смог сделать их отпрыск. – Пошли. – Мама выдвинула длинную ручку и покатила чемодан за собой в коридор.

Ася аккуратно положила дублёнку на кровать, нарушив симметричную опустошённость своей комнаты, подхватила рюкзак, привалившийся к стулу, и, не оборачиваясь, выбежала. Лучше быстрее отодрать от себя прежнюю жизнь, как пластырь, пока не начала сожалеть о её безвозвратной потере.

На первом этаже царил суматоха: посуда после спешного завтрака ещё не была вымыта, а многочисленные ящички так и остались выдвинутыми в ходе поисков необходимых мелочей. Входная дверь, раскрытая настежь в прощальном жесте, хлопала, будто подгоняя. Предпоследний день августа близился к середине, ветер поднялся холодный и влажный, предвещающий скорую грозу. Уходящее лето выдалось мокрым и пасмурным, но погода, похоже, не собиралась меняться в лучшую сторону.

Подойдя к столу за последним уцелевшим тостом (масло полностью растаяло и впиталось, отчего поджаренный хлеб стал только вкуснее), Ася заметила выглядывающую из-под скатерти мордочку Пуаро. Жаль, в общежитие нельзя брать с собой котов, даже таких замечательных, как он. Ася почесала питомца за ушком. Она несколько лет мечтала о дымчатом британце, а теперь бросала его. Хорошая же из неё хозяйка получилась. Пуаро смотрел укоризненно, тыкаясь мокрым носом в её голую коленку. «Я не нарочно. Я скоро вернусь», – безмолвно обещала Ася. Последний раз подняв тяжелевшего с каждым годом Пуаро на руки, она прижала его себе, поцеловала в макушку и отнесла кота на его любимое кресло.

Затем быстро сунула ноги в потрёпанные кеды, закинула ляжку рюкзака на плечо и вышла навстречу воздушному потоку. Порывкивал мотор старенького «Форда», подогнанного к самому крыльцу, а папа уже успел загрузить багажник и теперь стоял рядом с мамой.

Ася выдавила ободряющую улыбку. Родители стояли в обнимку, такие трогательные: папа, возвышавшийся над мамой на пару голов, прижимал её к себе и успокаивал как ребенка. Ася знала, как им не хотелось отпускать её учиться в такую даль. Да ещё и в тот самый университет, который принёс их семье столько волнений. Мама отговаривала её, вздыхала и охала, но в итоге смирилась. Однако понять, как она на самом деле расстроена, было легко: сегодня, готовя завтрак, она разбивала яйца в урну, а скорлупу оставляла на сковороде.

Папа изначально поддержал Асю, как и во всех других начинаниях. Соорудить над кроватью балдахин? Запросто. Хочешь играть на скрипке? Пожалуйста! Не понравилось? Конечно, бросай. Конный спорт? Организуем. Завести дорожного кота? Обязательно. Поступить в тот же университет, что и брат?.. Что ж, ладно, если так хочется... Папа всегда говорил, что у Аси «есть характер», но не уточнял, какой именно. Судя по всему, достаточно сильный, чтобы делать то, что взбредёт ей в голову, не отзываясь на увещевания.

– Точно ничего не забыла? – Папа приобнял Асю за плечи, когда она, наконец, подошла к машине. – Вернуться уже не успеем.

– Ничего. – Ася уверенно кивнула. Самое важное она держала поближе к себе. Перепроверяла наличие этой вещи несколько раз.

– Тогда по местам.

Дом скрылся за поворотом, за окном замелькали ряды типовых коттеджей, малиновые кусты, торчащие из-за сеток, свисающие на дорогу ветки яблонь. Посёлок оставался позади, а «Форд» въезжал в город, живший своей жизнью, не заметивший ни Асиного прибытия, ни её последующего отъезда. Путь до вокзала занял меньше получаса, наполненного докучливыми песенками по радио, беспредметной болтовнёй родителей и задумчивым молчанием Аси.

Люди, жутко занятые, понедельничные, сновали туда-сюда между луж. Асфальт не успел высохнуть. Должно быть, дождь прошёл совсем недавно. Цвет глаз Аси часто сравнивали с мокрым асфальтом, но она не считала этот оттенок приятным. Прохожие, катящие чемоданы, предчувствовали скорую разлуку с посеребрённым каплями летним городом. Ася всегда грустила накануне наступления осени, а в этот раз ощущала тоску особенно остро, но как могла держалась.

Чтобы подбодрить себя, она провела пальцами по пластмассовым кубикам браслета. «Вечность», – гласило выложенное ими слово. Никакого глубокомысленного подтекста, просто эту вещь ей подарила Вика, с которой они стали лучшими подругами после спектакля «Снежная королева» в пятом классе. Ася играла Герду, а Вика – Кая, потому что мальчишки отказа-

лись участвовать в постановке, а у неё как раз была подходящая стрижка: короткие волосы стали её наказанием за неудачный парикмахерский опыт с мамиными ножницами. Они тогда смеялись до колик, разгрызали шипучки, от которых их языки позеленели, а к концу вечера поклялись в вечной дружбе. Через неделю Вика принесла ей этот браслет. Подруга – одна из тех, кого Асе не хватало в этот важный день. Но, будь она рядом, ещё неизвестно, стало бы легче или наоборот. Они простились два дня назад, потому что сама Вика тоже упорхнула из родительского дома, но в противоположную сторону – на север, в Питер, поступать в консерваторию. Она, в отличие от Аси, скрипку не бросила.

Но больше всего не хватало брата... Впрочем, если бы не он, Ася бы вообще не направилась туда, куда она едет. Да, это всё ради него.

Ася излишне нервозно хлопнула дверью, но папа оставил это без внимания, суетясь с багажом. Тучи над железной дорогой опасно сгустились, когда они втроём зашагали к платформе. Поезд уже подали. Асе предстояло трястись в нём почти три часа. Они подошли к нужному вагону.

– Ну, посидим на дорожку. – Папа опустил на корточки. Ася присела на свой чемодан, мама расположилась на скамье.

– Особо не оголяйся. Там ненамного теплей, – напутствовала мама.

– Хорошо.

– Учись прилежно, – попросил папа.

– Постараюсь.

– Звони каждый день, не забывай.

– Ладно.

– Допоздна не сиди, режим собьёшь.

– Ага.

– И, пожалуйста, – мама поднялась, – будь осторожна. – Её глаза наполнились слезами, и она крепко обняла дочь. – Ты у меня одна осталась.

– Не переживай. – Ася прижалась к ней. – Всё будет нормально.

– Рассчитываю на твоё благоразумие, доченька. – Настала очередь папы. Он сжал Асю в объятиях почти до хруста костей.

– Я – сама рассудочность, – отступила на шаг. – Попробую одна затащить багаж, надо же привыкнуть.

– Не буду препятствовать, – замахал руками папа.

Ася с трудом занесла чемодан в поезд, выбрала место у окна и по направлению движения, по заветам мамы. Заметила сквозь мутное поцарапанное стекло родителей. Как они ни пытались скрыть своё состояние, их сложно было назвать радостными. У Аси защипало в носу. Она снова принялась перебирать бусины браслета. Вечность. Сепарация. Долг. Есть вещи важнее детской привязанности.

Поезд тронулся. Ася махала родителям, пока не заняла кисть. Небеса разразились грохотом грома – из туч хлынул ливень. Его сплошная пелена застилала окно. Вокруг – слепая зона, неизвестность. Но где-то впереди маячит вполне определённая цель.

Три часа пронеслись в полудрёме под приглушенные звуки музыки в наушниках, стук колёс и капель. Ася пыталась в очередной раз перечитать буклет университета, но роившиеся в голове мысли о прошедшем и будущем, полные сомнений и чаяний, затрудняли этот процесс. Разбитая и помятая, Ася вышла на конечной станции, с усилием волоча за собой чемодан.

Ей доводилось уже здесь быть в прошлом году. Они с родителями приезжали сюда, часами сидели в полицейском участке и кружили по центру, обклеивая информационные доски и фонарные столбы объявлениями о пропаже: «*Чермных Антон: 22 года, средний рост и комплекция, волосы русые, глаза серые*». Двадцать три. Сейчас ему уже исполнилось двадцать

три, но они не отпраздновали его день рождения, потому что листовки с нечёткой фотографией её брата ничем не помогли.

В прошлый раз Ася бродила по городу как в тумане – ни улиц, ни бульваров не разглядела, всё казалось дурным сном. Но и теперь, будто впервые здесь очутившись, она не осматривалась кругом: всё равно её путь ещё не окончен, она лишь проездом, ей дальше. Дальше её увёз с вокзала раздолбанный, плюющийся чёрными выхлопами пригородный автобус. Красно-белый – под цвет её кед и полосатой футболки. И спустя двадцать минут в душном салоне, наполненном не слишком воодушевлёнными студентами и недовольными бабушками с бидонами, Ася спрыгнула на своей остановке. Город Ливец: население – около семидесяти тысяч человек, ранее – закрытое административно-территориальное образование, ныне – провинция, не глухая лишь потому, что знаменита своим университетом, единственным в своём роде и самым перспективным на юго-западе страны.

Остановка на окраине – там, где и располагается студгородок. Вот он, весь как на ладони виден с возвышенности, если бы окружающий его железный забор не мешал обзору. У Аси не было сил разглядывать студгородок – она логично рассудила, что возможность изучить его устройство вдоль и поперёк ещё представится ей в будущем. Поэтому двинулась к воротам и зашагала под гору, еле поспевая за норовящим скатиться вперёд неё чемоданом. Уладив все бюрократические вопросы, потолкавшись с документами и всевозможными бумажками в очередях из галдящих первокурсников, растянув руку, в очередной раз переставляя багаж, вусмерть уставшая и начавшая закипать Ася, наконец, приблизилась к блаженному краю – общежитию № 2. Здание это, не отличавшееся от прочих ни видом, ни новизной, ближе всех жалось к дальней ограде. Его задний вход соседствовал со сторожкой у запертых ворот, за которыми начинался лес.

Дневной свет сменялся вечерним, и голоса студентов там, на отшибе, почти не слышались. Ася вдохнула полной грудью влажный воздух и покрылась мурашками: холодало. Оставалось сделать последний рывок и затащить вещи на третий этаж. Пока, по её ощущениям, атмосфера напоминала детский лагерь, только провести в нём предстояло не лето, а целых четыре года. Ну или как пойдёт.

Ася похлопала себя по щекам и глубоко вдохнула, прежде чем толкнуть плечом дверь. Войдя, она сразу же увидела белокурую девушку, недоверчиво смотрящую на неё. Соседка, с разметавшимися по плечам волосами, красила ногти, по-турецки сидя на кровати поверх пледа со скандинавским узором. Её уголок комнаты выглядел обжитым и уютным – настоящий кусочек Пинтереста, явно принадлежавший ей не первый год. Со стены позади неё на новоприбывшую глазели корейнки с сияющей кожей, красовавшиеся на страницах журналов, увенчанных пока ещё выключенной гирляндой. Ася сморгнула от пестроты.

– Добро пожаловать. Меня зовут Кристина. – Приятный девчачий голос нарушил тишину.

– Спасибо! Анастасия. Предпочтительней Ася или Стася, но на Настю тоже могу откликаться. – Она бросила рюкзак на свободную кровать и следом сама на неё улеглась. – Давно тут учишься? – У Аси не было сил смотреть куда-либо, кроме белёного, покрытого трещинами потолка.

– Третий курс PR-менеджмента. А ты на кого поступила?

– Социология.

– Слава богу, – выдохнула Кристина. – Пронесло.

– Этот факультет славится хорошими соседками? – Ася перевернулась на бок, чтобы видеть выражение лица собеседницы.

– Нет, на самом деле почти любой сойдёт. – Она подула на ногти. – Кроме биохима.

– А что с ними не так? – Ася заинтересовалась, подпёрла голову рукой. Зацепка, это первая зацепка.

– Есть своя специфика, – уклончиво ответила Кристина, и её симпатичное личико непроизвольно скривилось. – Знаешь, они там все немного «того».

– Тогда сразу сообщу три самых неприятных факта обо мне, чтобы ты знала, к чему готовиться. – Ася повторила излюбленную сентенцию лучшей подруги. Она часто так делала – и срабатывало. Большинство людей эта честность подкупала и помогала завоевать их расположение. – Я люблю белый шоколад больше чёрного. – Начала загибать пальцы. – У меня искривлена носовая перегородка, поэтому я храплю. Иногда я могу целую неделю до умопомрачения напевать приставучую песенку из какого-нибудь мюзикла.

– Серьёзно, любишь белый шоколад? – спросила Кристина, будто пропустив мимо ушей остальные, более важные сведения.

– Ага. И ещё пиццу с ананасами.

– Что насчёт приятных фактов?

– Здесь тремя пунктами не обойтись. – Ася подмигнула.

– Один я уже уловила – скромность. – Она по-доброму усмехнулась. – Ладно, вот три факта обо мне: я не ем сахар и мучное, у меня есть наушники и сплю я в берушах. Кстати, советую и тебе их приобрести.

– А что, соседи шумные?

– Вроде того. Прислушайся. – Кристина затихла, призывая Асю последовать её примеру. Она уловила шуршание где-то наверху. Что-то поскрипывало, шебуршало и скреблось, корябалось и попискивало.

– Мыши?

– Летучие, – уточнила Кристина. – На чердаке целая колония.

– Класс! – Ася приподнялась на локте. Сонливость как рукой сняло. – Я тоже жила за городом, у нас иногда заводились обычные мыши, но летучих я только издалека видела: как-то они поселились у наших соседей под подоконником. Соседи его среди белого дня вскрывали – ну и суматоха там поднялась, – протараторила она. – А ещё у нас уханье филина из леса слышалось по ночам.

– Здесь тоже слышится. Значит, тебе понравится.

– Привычно, по крайней мере, – пожала плечами Ася, успевшая тоже сесть по-турецки. – А на чердак можно залезть? Я бы хотела посмотреть на мышек поближе.

– Будешь поздно в общагу возвращаться и так увидишь. По вечерам они прямо над головой спуют, с октября где-то. – Асе понравилось, как отважно соседка это говорила. Не неженка, значит. Они явно поладят.

– Слушай, а что ты там говорила про биохим?.. – Разговоры о созданиях природы, конечно, весьма интересны, но Ася каждую минуту старалась напоминать себе, что у неё есть миссия. – Знаешь оттуда кого-нибудь?

– Зачем тебе? – Эта тема Кристине не нравилась.

– У меня там брат учился. Антон Чермных, слышала про такого?

Ася наблюдала, какой эффект произведут её слова. Кристина задумалась, но волнения не выказала. Вспоминала и довольно мучительно – мимолётный проблеск узнавания в её зелёных зрачках грозил угаснуть. Чтобы помочь ей, Ася достала из чемодана фотографию пятилетней давности в рамке, где запечатлены они с Антоном: она сидит на качелях в их саду, а он стоит позади. Оба совершенно счастливо улыбаются, едва смех сдерживают. Чудесное время, потерянное и растрескавшееся на сотни ночных кошмаров последнего года.

– Да, где-то видела. – Кристина прищурилась. – Подожди-ка, а это не тот парень, который пропал в прошлом году?

– Именно, – утвердительный кивок. Ася выглядела абсолютно невозмутимо, но внутри неё при каждом слове, сказанном о брате, всё бушевало. Она будто проживала вновь каждый момент утраченного былого.

* * *

Антон исчез в прошлом году. Он был старше Аси на пять лет. Умнее и талантливее в миллион раз. Впрочем, так считала исключительно сама Ася, обожавшая брата. Папа, например, её мнения не разделял, ведь Антону он приходился всего лишь отчимом.

Родной отец, служивший на флоте, погиб, когда Антон ещё не родился. Мама пробыла молодой вдовой недолго. В скором времени она удачно встретила мужчину мечты – главу охотхозяйства, с большим коттеджем за городом, который клялся любить её ребёнка как своего. И он правда старался, много сил положил на исполнение обещания. Едва Антон подрос, стал брать его с собой на охоту. Мальчикам ведь нравится стрелять и носиться с собаками? Наверно. Но Антону не нравилось.

Он пугался звука выстрела, зажмуривался при виде крови и плакал, когда на обед подавали дичь. Ему не хотелось бегать и резвиться, учиться собирать ружьё и палить по уткам. Иногда он даже втихомолку уносил трофеи отчима, чтобы похоронить бедных зверьков позади дома. Эти противоправные действия вызывали неприменную ругань и скандалы. Отношения с названным отцом Антон продолжал портить, демонстрируя, словно знак отличия, свою замкнутость и отрешённость. Асиному отцу не нравилось, что пасынок так нелюдим, что к нему не приходят друзья и что в школе, по словам учителей, он ни с кем не общается. Антон хорошо учился, но не делал успехов в спорте и не проявлял ни малейшего интереса к тем занятиям, которые отчим считал достойными мужчины: не болел за футбольные клубы, не рвался поскорее научиться водить и, на худой конец, не мечтал стать рок-звездой.

Антону лучше прочих давались естественные науки. Он добровольно помогал матери в огороде и ухаживал за садом, сушил гербарии и часами рассматривал под микроскопом насекомых и всякую мелочь. Зимой он мог целыми днями валяться на кровати у себя в комнате и читать. У отчима зубы скрежетали от никчёмности пасынка, поэтому он всю нерастрченную любовь направил на дочь. Родную, правильную, достойную всяческого восхищения.

Он возился с маленькой Настюшей с самого её рождения. А по мере взросления и отдаления Антона всё больше переключался на неё. Вот дочка, она молодец: не пошла, а побежала, не заговорила, а заорала. С первого раза научилась правильно держать ружьё и ориентироваться по компасу, а ещё подражать птичьим звукам. Всё, что Ася делала, приводило отца в умиление, всё ей удавалось точно в срок. Неважно, что внешне Ася, как и брат, пошла в мать: те же волосы и глаза. Даже родинка под самым носом, совсем как у жены. Но зато характер-то... Характер его.

Своенравная и общительная, артистичная и активная. Прелестная выдумщица: чего только стоит розовая мечта её детства стать детективом. От кошек и собак её за уши не оттащить, катается на всём, что видит: от качелей и каруселей до роликов и лошадей. Улыбчивая и смелая, золотце, а не девчонка. Разве что был один весомый недостаток: как бы сильно она ни любила папочку, а всё равно брату в рот смотрела.

Папа всегда говорил, что Антон будто загипнотизировал Асю – она без него и дня не может. Стоит только их разлучить, как сестра расстраивалась и начинала канючить. Мама гордилась тем, что дети у неё такие дружные, а отец не понимал, как они сходятся из-за разницы темпераментов.

Асе же, наоборот, страшно нравились в брате его всегдашнее спокойствие и беспечное безразличие к нормам и правилам. И пусть папа учил различать съедобные и ядовитые грибы, Антон мог рассказать, как называются эти красивые цветы или почему не стоит с отвращением отворачиваться от гусениц – протобабочек. Он читал ей вслух «Ветер в ивах» и сказки о мумитроллях. Ему было одиннадцать, а ей шесть, и Асе представлялось, что они живут в муми-доме и со дня на день обязательно отправятся в далёкие и полные опасности странствия.

И если папа учил выживать в сложной и опасной реальности, то Антон был проводником в потаённый мир магического и прекрасного – того, о чём и не скажешь словами. Со временем, пока они росли и выросли, грёзы улетучивались, на смену старым приходили новые герои, но тесная связь сестры с братом была нерушима. Ася могла просить совета у него по любому поводу и всегда полагалась на его мнение. Она считала Антона таким же своим лучшим другом, как Вику.

И всё было славно, пока когти взрослости, этой вороны-падальщицы, не вонзились в него. Пока пресловутое совершеннолетие не вырвало его из лучезарного круга детства. Пока он не уехал учиться за много километров. Тринадцатилетняя Ася тяжело пережила это, но выбора не было. Тем более брат приезжал на зимние праздники и проводил с ней два летних месяца. Всё было сносно: обучение Антона подходило к концу, он сдал выпускные экзамены, защитил диплом... И вдруг исчез.

Вот так просто, словно сквозь землю провалился или растворился в воздухе. На Антона, серьёзного и обязательного в учебных делах, это было не похоже. Странное, загадочное, криминальное дело. Человек без каких-либо на то причин пропал в самый неподходящий момент, и сколько бы порогов ни оббивали родители с маячившей позади беспокойной Асей, никто не мог помочь. Им отдали вещи из комнаты Антона, документы, диплом в красной обложке, без единой четвёрки, и на этом развели руками. Следствие зашло в тупик: ни трупа, ни следов, ни мотива, ни логики.

Ася знала, что, по статистике, в стране ежегодно без вести пропадает несколько тысяч человек. И она никогда бы не подумала, что в их числе может оказаться её брат. Но статистика – вещь упрямая и бессердечная. Для неё не имеет значения личность, данные которой занесены в списки и перечни. Значение имеет только факт исчезновения. А он налицо.

* * *

– Так что насчёт Антона? – Ася стряхнула болезненное оцепенение, заставив себя вернуться в реальность. Она всегда говорила о брате в настоящем времени, поскольку верила в то, что Антон жив. Не только потому, что была оптимисткой, а потому, что не могла поверить в обратное.

– Не то что бы мы были знакомы лично... Но я знаю его однокурсницу. Вроде бы они дружили, – наконец, произнесла Кристина.

«Дружили?» – едва не спросила вслух Ася, но вовремя себя остановила. У Антона были друзья, о которых он не рассказывал? Тем более подруги... Это новое знание неприятно резануло: брат что-то от неё скрывал.

– О, ты не могла бы нас свести? В смысле... Мне было бы интересно с ней пообщаться. Ну, сама понимаешь. – Ася старалась, чтобы её просьба звучала естественно.

– Ладно, есть место, где ты наверняка сможешь её встретить. Она состоит или, по крайней мере, состояла в прошлом году в литературном клубе. Сама-то я оттуда ушла накануне летних каникул. – Кристина замолкла, о чём-то вспоминая. – В клубе постоянно недобор, поэтому новым участникам всегда рады. Обычно первого сентября, после всех официальных мероприятий и пар, проходит заседание – планирование на год, утверждение списка и всё такое.

Ася кивнула в знак признательности. Значит, клуб. Она откинулась на подушки. Может, дорожка неверная и тупиковая, но попробовать стоит. С чего-то же нужно начинать.



Глава 2. На уставших камнях

По рассказам Кристины, в окрестностях Ливца было два вида погоды. Серая и пасмурная, ливневая (не потому ли город так называли?), ненастная и ураганная. Зато каким был воздух, когда дождь заканчивался... непередаваемым! Подавляющую часть времени в Ливце безраздельно царствовала эта туманная хмарь. И лишь пару-тройку раз в неделю выглядывало солнце. Слишком яркое, тяжёлое и тягучее как мёд, оно цедило плотные лучи на мокрую зелень, отражалось в каплях, создавая во влажном воздухе парниковый эффект. Тогда становилось душно, нос наполняли запахи яблок (плодовые сады росли прямо за университетской оградой), скошенной травы (поля окружали лес с обеих сторон) и перегноя – всегда сладкие, душистые, напоминающие о забродивших грушах и винограде.

Ася радовалась тому, что первый учебный день встретил студентов вторым типом погоды. Она сидела на подоконнике за кружевной занавеской, подставив лицо рассеянному свету ранней осени и краем глаза поглядывая на уголок чемодана, торчащий из-под кровати. Там спрятана вещь, которая, возможно, поможет найти брата. Пока она бесполезна, но у сегодняшнего дня есть все шансы это изменить.

– Для первокурсников кураторы групп обычно устраивают экскурсию, – произнося это, Кристина одной рукой наматывала на утюжок очередную прядь, а другой растущёвывала румяна. – Читала буклет?

– Мягко говоря – да.

Ася даже в шутку жалела, что в этом вузе нет истфака. А то бы она без труда поступила на направление «краеведение», специализировалась бы конкретно на истории Ливецкого университета и непременно получила бы красный диплом за освоение этой программы. Ей казалось, что она готова защитить по ней как минимум кандидатскую диссертацию – настолько досконально изучила злосчастный буклет. Впервые она прочла его от корки до корки пять лет назад, когда Антон ещё только собирался поступать. Потом пролистывала время от времени оставленный ей экземпляр, будто выцветшие страницы могли приблизить её к брату, по которому она так скучала. Заново ознакомиться с основной информацией ей пришлось перед тем, как Ася подала документы на поступление. И последний раз она просмотрела его в поезде по дороге в Ливец.

Соответственно, Асе хорошо было известно, что Ливец находится на юго-западе России, рядом с основанным в 1482 году Киприановским Печорским монастырём, которому и принадлежали ливецкие крестьяне. В 1666 году монастырь получил ставропигию¹, а в 1703 году благодаря средствам, завещанным боярыней Репниной, ливецкое братство основало Ливецкую Братскую коллегия по образцу иезуитских образовательных учреждений. В 1759 году колле-

¹ Ставропигия – самый высокий статус, присваиваемый монастырю, благодаря которому он становится независимым от местной церковной власти.

гия была реорганизована в Ливецкую академию святого Киприана (*лат. St. Cyprianus Livec Academia*), которая считается одним из старейших высших учебных заведений в России. Академия процветала: в неё съезжались студенты из соседних южных уездов и губерний. В 1826 году академия была переименована в Ливецкий университет св. Киприана.

– Вот примерно то же самое они тебе и расскажут. Только ещё и описанные места в натуральную величину покажут, – продолжила Кристина. – Словом, скукота.

Ася бросила мимолётный взгляд на красочный буклет, похожий на театральную программку. На обложке красовалось главное здание вуза, заботливо отфотошопленное (не реставрировать же его каждый год ради фотографий для потенциальных абитуриентов). Надпись большими буквами гласила: «Ливецкий государственный университет – место с богатой историей и славным будущим!»

– И как тут учиться вообще... Нормально? – Теория у Аси от зубов отскакивала, а практика оставалась неизвестна.

– На гуманитарных факультетах – мрак. – Кристина перешла к макияжу губ. – Это на биохиме, будь он не ладен, элитное сборище, а тут – болото.

Про это была отдельная страница в буклете, но написанное там звучало более радужно. Биохимическое отделение – главная гордость университета. Оно считается одним из лучших в России и готовит высококвалифицированных специалистов, востребованных как в отечественном государственном промышленном секторе, так и в престижных компаниях за рубежом.

– Так, я готова. – Кристина крутанулась вокруг своей оси, отчего подол её платья в горошек слегка вздулся.

– Но вроде ничего не изменилось? Ты и с утра была такой же, а полчаса красилась. – Ася почувствовала себя немного обманутой, будто фокус не удался.

– Про «макияж без макияжа» слышала? – дождавшись утвердительного кивка, Кристина продолжила: – Так вот им я владею в совершенстве.

– Круть. А я стрелки так и не научилась рисовать одинаковые.

– Обращайся, если понадобится помощь, – подмигнула соседка по комнате.

Кристина надела замшевые туфли на каблуке. Ася, выбравшая привычные серые джинсы и – для приличия – нацепившая белую блузку, которую заставила взять мама, с ужасом представляла, как Кристина увязнет в грязи. Сколько ни пыталась, Ася не могла вспомнить ни одной асфальтированной дорожки, ведущей от их корпуса. Либо она вчера невнимательно смотрела, либо её соседка была настроена преодолевать трудности, дабы нести в мир свою красоту. Впрочем, кеды так же запачкаются.

Они договорились выйти пораньше, чтобы до начала пар забраться на холм: Кристина пообещала продемонстрировать Асе вид сверху на эту «обитель скорби», как она называла свою альма-матер. Поднявшись и запыхавшись, девочки вышли за ржавую зелёную ограду, к автобусной остановке, куда вчера прибыла Ася. Она взглянула сквозь редкие толстые прутья, и в голове всплыла строчка из буклета: «Ливецкий государственный университет окружён студенческим городком с развитой кампусной инфраструктурой и современными общежитиями. Корпуса расположены в исторических зданиях XVIII века, подвергнутых тщательной реконструкции». Ася насчитала не меньше десяти зданий, раскинувшихся в низине, позади них, в отдалении, виднелся лес. Большинство построек трёхэтажные, прямоугольные, грязно-белые или серовато-песочные, с простыми массивными колоннами – видно, что старые, как бы их не пытались отреставрировать. Среди них, в центре, – нечто более древнее, из нетёсаных кирпичей болотного оттенка, округлое и с башенкой. Походило на храм, только без креста на вершине.

– Это церковь? – Ася указала в сторону загадочного сооружения.

– Раньше была. Сейчас библиотека.

Это Асю не удивило, она помнила, что в 1924 году Киприановский монастырь был разорён, а университет упразднён. С 1925 года в его стенах располагалась детская трудовая коммуна для беспризорников и несовершеннолетних правонарушителей, а храм святого Киприана стал складом. Видимо, это он и есть. Теперь не склад, а библиотека – всё получше.

- Живописно, конечно. – Ася попыталась сгладить углы.
- Я тебя умоляю. – Кристина закатила глаза. – Пойдём.

* * *

Они спустились и разошлись у первого учебного корпуса. Ася поспешила в нужную ей аудиторию. Обычная, как класс в школе, – без поднимающихся рядов и прочих эстетических изысков. Собралось от силы человек пятнадцать – видимо, больше желающих изучать социологию здесь не нашлось. Четыре парня, остальные – девушки. По выражениям лиц Ася поняла, что многих из них она видит в первый и последний раз, потому как избегать занятий – дело хоть и нелёгкое, но благородное. Явился блёклый и неинтересный куратор – преподаватель основ статистики. Усатый мужчина, с залысинами и в коричневом костюме, который только для похорон сгодился бы. С первого же слова он занудил.

Никто не хотел выдвигать свою кандидатуру на роль старосты (особенно Ася – у неё и других дел по горло), поэтому рука судьбы посредством жеребьёвки ухватилась за шиворот некой Альбины. Она не являлась альбиносом в полном смысле слова, но, будто пытаясь оправдать данное родителями говорящее имя, всё в её внешности стремилось к этому. Прозрачная кожа, светлые глаза, белёсые волосы, брови и ресницы, а на контрасте с ними – полностью чёрный наряд. Диктуя свой номер телефона для связи с однокурсниками, она то и дело повторяла: «Жесть, просто треш, убейте меня».

После решения организационных вопросов куратор битый час рассказывал студентам о прелестях методологии социологических исследований, об упрямой статистике, демографическом кризисе и социальной динамике. Лексикон Аси не был испорчен научным понятийным аппаратом: она не имела представления о дискурсивных полях, спорных вопросах теории и гносеологических установках, не ведала о том, что постмодернизм уже сменился метамодернизмом, потому что не успела усвоить, что такое обычный модернизм без каких-либо приставок.

Никто бы не назвал Асю глупой: она почти регулярно читала книги, вполне грамотно писала, с горем пополам, но всё же могла изъясняться на французском, который изучала в школе, видела разницу между Швецией и Швейцарией и знала прочее из перечня «для общего развития». Ей нравилось разгадывать ребусы и головоломки, решать кроссворды и sudoku. К тому же она была в состоянии найти среди несъедобных грибов съедобный, а при чьей-то фатальной ошибке даже вполне прилично оказать первую помощь при отравлении. Ася вполне уверенно ориентировалась по сторонам света и, почти наверняка, не заблудилась бы в лесу, будь он даже не вполне знакомым. К тому же она была способна в одиночку развести какой-никакой костёр, подать сигнал бедствия, но... Едва ли эти знания и умения пригодятся ей при изучении социологии.

По правде сказать, она никогда не мечтала стать социологом. Скорее уж каким-нибудь журналистом или, может, юристом. Но в Ливецком университете выбор невелик – этот факультет показался ей наиболее подходящим. Особенно после того, как за прошедший год она прочла тысячу и одно социологическое исследование о том, почему пропадают люди.

Когда с формальностями покончили, перевалило за полдень. Вышли на воздух. Солнце скрылось, показались тучи. Водя редеющую на глазах группу между ветхих зданий, куратор вещал и без того известную Асе историю. Как вдруг выдал что-то интересное:

- Теперь посмотрите налево, вон туда, где рядом с оранжереей... Да, это оранжерея, а не теплица! Там находятся корпуса биохима. В 1938 году комплекс зданий, принадлежавший

сначала монастырю и университету, а потом трудовой коммуне, был занят противоэпидемическим учреждением. – Про этот период в буклете было совсем мало информации, поэтому Ася навострила уши. – Оно включало в себя опытно-промышленную базу и Государственный научно-технический институт микробиологии и эпидемиологии народного комиссариата здравоохранения РСФСР. В 1950 году база была отнесена к особо режимным предприятиям с превращением его территории в закрытую режимную зону... Ну, вы и сами поняли, что это значит. В общем, Ливец был изъят из административного подчинения и исключён из учётных материалов по административному делению. Основным источником развития города с 1973 года был научно-исследовательский центр прикладной микробиологии, биотехнологии и вирусологии на базе института им. Л. А. Зильбера. То, что от него сейчас осталось, – это и есть биохим. Кстати, не ходите туда без особой надобности: тамошние преподаватели очень не любят, когда чужие студенты ошиваются в тех местах.

– Ага, да и студенты тоже, – шепнул кто-то из группы, и несколько человек приглушенно рассмеялись. Ася юмора не поняла, но про себя сделала пометку: значит, не только гуманитарии не переваривают естественников. Эта нелюбовь взаимна.

– Мм... в общем, вы правы... Как бы то ни было, обратимся к хронике. Далее, в 1996 году, закрытое административно-территориальное образование было упразднено, а Ливец получил статус города. Сейчас его население насчитывает порядка семидесяти тысяч человек. А если точнее, статистика ведь не терпит приблизительности, – куратор поправил очки, – семьдесят одна тысяча шестьсот сорок четыре человека, без учёта студентов, проживающих в общежитиях и получивших временную регистрацию. – Он удовлетворённо кивнул своей точности. – Так вот, то бишь о чём это я... Произошла реорганизация вуза в соответствии с новыми образовательными стандартами. С 1997 он известен как Ливецкий государственный университет или ЛГУ, куда вы, собственно, и поступили. ЛГУ считается самым перспективным вузом юга страны. Вуз отвечает европейским стандартам высшего образования, предлагает международные программы для магистрантов и аспирантуру с большим количеством бюджетных мест. В настоящее время его структура включает в себя факультеты социологии и политологии, экономики и управления, информатики и IT-технологий, а также биолого-химическое отделение с его различными направлениями, о которых я вам рассказывать, пожалуй, и не буду. Зачем оно вам, правда?

Понимай Ася больше в том, как работала система высшего образования в стране, и имей она хотя бы приблизительное представление о бытии провинциального вуза, ничего в Ливецком университете не удивило бы её. Однако, справедливости ради, он всё же отличался от прочих региональных учебных заведений, пусть и наполовину. Гуманитарные факультеты, которые здесь именовались социальными, не стояли у руководства в приоритете, на них было мало профессоров, а круг изучаемых дисциплин сужался с каждым годом. На эти направления стекались разве что местные ребята: из Ливца, городского округа и района. Они знали, что качественного образования по социальным специальностям ждать не стоит, но учёба хотя бы будет под боком, а низкие проходные баллы обеспечат психике энергосберегающий режим. Их более амбициозные товарищи, вырвавшиеся в обе столицы и другие крупные города, назвали бы их выбор недалёковидным и бесперспективным, а жизненную позицию – пораженческой.

Биолого-химическое отделение – другое дело. Оно, как Ватикан, – государство в государстве, крутой вуз в вузе из разряда «не очень». Конкурс на место там внушительный, престиж в своей области значительный, а слава естественных факультетов вперед них идёт. Профессорско-преподавательский состав зубастый: начальники лабораторий, экспериментаторы, инженеры-разработчики и прочие поборники опытов и инноваций, пасшиеся на раздолье секретного НИИ, после распада Союза и реорганизации заведения не пожелали его покидать. Они были закалены, требовательны, компетентны и полны энтузиазма передать свои знания подрастающему поколению. За двадцать пять лет существования вуза смогли наладить работу отде-

ления и успели вырастить новое поколение молодых учёных, воспитанное на их идеалах и нацеленное на продолжение карьеры в Ливецком университете.

– Я уж думал, он никогда не заткнётся – как по написанному шпарил, – снова зашептал кто-то в толпе. – Как будто у него текст на стёклах очков проецировался. – Все согласно зашуршали.

Наконец, экскурсия закончилась. Ася так ни с кем толком и не познакомилась. Запомнила разве что старосту, да и то вынужденно. Её намного больше интересовало другое собрание – первое в году заседание какого-то там книжного клуба. До самого этого внеурочного развлечения ей дела не было, но его участники могли оказаться весьма полезны для дальнейшего продвижения расследования.

Расследование... Употребляя это слово, Ася каждый раз сама же снисходительно хмыкала. Да, пусть она мечтала в детстве стать детективом, но сейчас это звучит просто смешно. Она приехала сюда не в «С.S.I.: Место преступления» играть, а заниматься конкретным делом. Жизненно важным. Почему полиция и поисковые отряды не смогли, а она сможет? Потому что они посторонние, а она знает своего брата лучше всех.

* * *

Аудитория № 109 второго учебного корпуса, по словам Кристины, которая раньше часто туда захаживала, не была похожа на остальные. Угловая, дремлющая на перекрестье здания – душная зимой и прохладная летом. В мае под её окнами цвела сирень. Приторный запах тёк через раскрытые настежь форточки, старые рамы с облупившейся белой краской, мушинные тельца, застрявшие в межстеколье. Усечённая, вполовину меньше других аудиторий. Её никогда не использовали для настоящих занятий – только сгружали туда лишние парты и стулья: поломанные, ненадёжные, исписанные и разрисованные. Доска в ней висела чёрная, советская, с царапинами и разводами. Вышедшая из употребления, но такая трогательная, что отвезти её с прочими отжившими предметами ушедшей эпохи на свалку почли бы за святотатство. У дальней стены молчаливое расстроенное пианино переглядывалось с геранью и бегонией на подоконнике.

В этой аудитории и собирался литературный клуб, ранее безымянный, а теперь названный «Ветви». Все знания о нём Ася почерпнула из подготовительной лекции Кристины. Соседка стояла у истоков основания клуба, провела в нём два года, узнала подноготную каждого участника, пароли, явки, нюансы и так далее. В лучшие времена в его составе было семь человек.

Ася вежливо постучала и зашла, лишь услышав «войдите». В тот день её встретили оставшиеся три человека и один замученный доцент.

Облокотившись о доску, скрестив руки на груди, стояла Дина. «Её сразу узнаешь», – так говорила Кристина. Дина выбривала виски, носила джинсы с подворотами и всевозможные мужские рубашки – такие огромные, что утопала в них, и было невозможно понять, какая у неё фигура. Немного картавила, вела себя нагло, не могла избавиться от привычки перебивать и часто говорила громче, чем следовало. Называя себя социалисткой и фем-активистской, она могла спорить до хрипоты, когда дело касалось принципиальных для неё вещей, отчего и без того выпуклые глаза Дины ещё больше выкатывались.

На стуле у пианино сидела Варя. Она вся состояла из копны каштановых кудрей и подобного рода округлостей – там, где они были предусмотрены природой, и там, где нет. «Мечтательная, милая, совсем не обидчивая, но ленивая и безынициативная – просто до фатализма», – так охарактеризовала её Кристина. Кудрявая девчонка никогда не противоречила своей словоохотливой подруге Дине. Треволнения текли мимо неё, а она лишь кивала и улыбалась дым-

ной, смазанной улыбкой. Джинсовый сарафан с цветочной вышивкой лишь усугублял инфантильный образ.

Женя сидела на повернутой боком к выходу парте. Она была худощавой и высокой, а уж джинсы-клёш и вовсе делали её ноги бесконечными. Тугой тёмно-русый хвост на макушке, синий джемпер, массивные белые кроссовки и сумка на длинном ремне – в толпе не заметишь. Вытянутое лицо было бы лишено всякой изюминки, если бы не гетерохромия: зеленоватый глаз контрастировал с ярко-голубым. Ради неё-то Ася сюда и заявила. Женя училась на биохиме, на одном курсе с Антоном. И, по словам Кристины, дружила с ним. Подробности не разглашались, но, судя по её поведению после его исчезновения, они были достаточно близки.

Последний в этой компании, сидевший на покосившемся стуле у доски, – Олег Вячеславович Родченко. Он числился доцентом на кафедре русского языка и, по меркам университетских преподавателей, считался «мужчиной в расцвете лет» – ему ещё не исполнилось сорок. Родченко был склонен к грузности, темноволос, бородат, а глаза скрывал за очками. Он вёл предмет «Деловой русский язык в сфере профессиональной коммуникации» и писал докторскую диссертацию, о чём при каждом удобном случае не забывал напоминать. И если его пытались привлечь к чему-либо сверх той рабочей нормы, которую он себе отмерил, всегда надеялся избежать этой сомнительной радости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.